

БЕЗБОЖНИК

Да здравствует десять лет власти трудящихся!

НОЯБРЬ
1927

РЕДАКЦИЯ И ГЛАВНАЯ КОНТОРА
Москва, Неглинный проезд, дом 21.
Тел. 4-56-62.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:
на год 3 р. 60 к., на полгода 1 р. 80 к.,
на четверть года 90 к. Отдельн. № 15 к.

№ 21

СОДЕРЖАНИЕ: Вл. Сарабьянов — «К десятилетию»; Д. Кузнецов — «Похороны жертв революции и контр-революции»; Д. Маллори — «Евреи на земле»; А. Базаров — «Городок на Волге»; Татаров — рассказ «Колокол»; Пав. Нелаев — «Приемник на Глядене»; А. Чернышева — «Безбожный город». Обложка худ. Г. Голубева.

К ДЕСЯТИЛЕТИЮ

Вл. САРАБЬЯНОВ

Тяжелый путь пройден трудящимися нашей страны.

Уставшие, измученные империалистической войной, голодные, полураздетые, разутые рабочие и крестьяне захвативши в свои руки власть, начали строить жизнь по-своему. Три с половиною года пришлось отбиваться от наседавших со всех сторон белогвардейцев и заграничных империалистов.

Отбились...

И в тот же год страну захлестнул небывалый голод. Год засухи да год голодухи — и уже подошла 6-я годовщина советской власти.

Теперь десятая.

Четыре года более или менее спокойной работы, без Юденичей и Колчаков, без стихийных бедствий — и СССР довёл своё хозяйство до размеров 1913 г., а по некоторым отраслям даже превысил эти размеры.

Сторонних наблюдателей наши успехи приводят в изумление. Даже с языка капиталистов срываются похвалы по нашему адресу. На днях глава капиталистической концессии Гаммера заявил в печати, что даже его — американца — крайне удивляет, как много сделано нами за такой короткий срок.

А между тем диктатуре пролетариата пророчили скорую гибель, и эти пророчества не были простой демагогией, подобной нынешним выкрикам эмигрантской печати о гибели советской власти. Они были вполне искренними. В октябре меньшевики предвещали, что большевикам не продержаться и восьми месяцев (столько продержалось временное правительство). Указывалось, что советы погибнут, так как промышленность разрушена, транспорт разваливается, поступления в государственную казну катастрофически падают, масса бумажных денег растёт, а с нею растёт и дороговизна.

И все это было... Но Ленин говорил, что из состояния разрухи нашу страну могут вывести только советы. В течение 4-х лет международные разбойники нам не давали работать.

В течение 4-х лет бежавшие за границу капиталисты и помещики, в союзе с английскими, французскими и японскими собратьями по разбою, посылали против Советского государства отряды частью подкупленных и частью одуряченных солдат.

Наше хозяйство продолжало разрушаться. Либеральные экономисты, приветствовавшие нэп и лицемерно заявлявшие о желании работать вместе с советами, кричали в своих журналах о неминуемой гибели нашей, в случае, если советы не пригласят варягов — заграничных капиталистов для хозяйственного строительства.

Попы всех рангов на диспутах с нами не упускали случая указать на наш хозяйственный развал и лягнуть при этом своим смиренным копытцем науку и социализм: «Строите, дескать, жизнь без веры, потому вот и жрать вам нечего!» или «Хорош социализм, если одеться не во что».

В один голос с заядлыми нашими врагами они пророчили советам гибель.

Видный буржуазный экономист Зверев писал, что «нам нужно идти на полный мир с другими народами, нам нужно призвать их к себе на помощь, нам нужно их всячески компенсировать (вознаградить) за оказанную поддержку».

Другой экономист писал:

«При подобном положении одними «внутренними» мерами делу помочь нельзя. Без помощи извне, без иностранного капитала с его материальными ресурсами, технической и административной организацией, практическим опытом и инициативой нельзя надеяться на исцеление смертельно больного хозяйственного организма страны».

Они хоронили нас заживо.

А вот ещё один прорицатель — В. Штейн:

«При происшедшей неимоверной растрате национального капитала пуск в ход аппарата народного хозяйства в масштабе, сколько-нибудь отвечающем прежнему размаху, возможен только при посредстве иностранного капитала».

Ему подпевал экономист Зайцев А. Ф.: «...единственным средством спасения наших железных дорог является передача части сети в руки частных железнодорожных обществ...».

Помещики вопили о том, что сахарное дело погибло, так как крестьяне не сумеют вырастить такую свеклу, какая получалась только на полях у эксплуататоров. Помещики кричали, что в лице их хозяйств погибли культурные, передовые хозяйства и что крестьяне будут теперь только зря портить землю.

Они кричали и ехидно подсмеивались.

Однако, веселее смеется тот, кто смеется последним. Теперь же капиталистам и помещикам не до смеха...

От буржуазной заграницы мы не получили ни одного гроша.

Концессии в нашем хозяйстве играют совершенно незаметную роль.

Наша крупная промышленность восстановлена собственными силами рабочего класса.

Все железные дороги находятся в нашем управлении.

Вся внешняя торговля, как и оптовая внутренняя, являются делом наших рук. Земледелие восстановлено в размерах почти довоенных без заграничной помощи самими крестьянами, к которым с таким презрением относятся господа крупные собственники.

Никто нам не помог. Но мешали нам многие.

И все же в 6 лет мы преодолели огромные трудности. За годы нэпа промышленное производство увеличено в 6 раз и ныне крупная индустрия работает в размере 110—115 процентов по отношению к 1913 году.

При этом мы создали новое электрическое хозяйство, перейдя от мелких дорогих станций к крупным — районным. Мы приступили к постройке заводов, от которых не отказались бы и американцы, так как эти заводы велики и технически совершенны. Мы восстановили транспорт, который достиг теперь довоенной границы. Мы приступили к целому ряду гигантских предприятий, каковы: Днепрострой, который превратит мощную реку Днепр в сплошной

транспортный поток, Волго-Донской канал, связующий всеволжский бассейн прямым и дешевым путем с Черным морем, Туркестано-Сибирская жел. дорога, по которой пойдет в Среднюю Азию сибирская пшеница и которая освободит сотни тысяч десятин посевной площади из-под пшеницы под хлопчатник. В сельском хозяйстве посевные площади почти доведены до довоенных, а по техническим культурам — и выше. Почти восстановлено и животноводство. Трехполье, дальнотемелье, чересполосица отживают свой век, и 30.000 тракторов работают на русских полях. Машиноснабжение превысило довоенные нормы, и крестьянский инвентарь быстро пополняется.

Рубль устойчив.

Госбюджет бездефицитен.

И несмотря на то, что предложение промышленных товаров отстает от их спроса, цены начинают двигаться вниз.

Всего этого мы добились только потому, что, свергнув капиталистов и помещиков, не надеялись ни на кого, кроме как на самих себя.

Ни бог, ни царь и ни герой!

Мы неустанно учились и учимся работать.

Поп уже не играет в нашей жизни своей прежней роли, а за «насульным хлебом» идут за советом к агроному.

«Святая вода» быть может еще и стоит кое у кого за божницей, однако ей предпочитают отраву против вредителей. Научная книжка вытесняет молитвенник.

Хотя безбожники до сего времени еще не составляют в нашей стране большинства, — тем не менее все чаще и чаще приходится слышать от самих верующих, что религия для них дело только привычки.

Советский антирелигиозный плакат

Худ. ДЕНИ — 1919 г.

Братская могила красногвардейцев
у стены Кремля.

Похороны юнкеров, убитых в Октябрьские дни в Петрограде
при защите ими власти буржуазии.

Похороны жертв революции и контр-революции (Штрихи)

Д. КУЗНЕЦОВ

1917 г., десятый юбилей которого мы сейчас празднуем—это год, до отказа насыщенный событиями гигантского исторического значения. Важное в нем — это головокружительный рост революционного сознания пролетариата и передовых слоев крестьянства, рост их организованности и активности в борьбе против помещиков и капиталистов. В первый период после свержения самодержавия, пролетариат и крестьянство в значительной мере еще находились под влиянием либеральной буржуазии и ее лакеев — меньшевиков и эсеров. По мере того как трудящиеся массы революционизируясь становились под знамена большевиков, разоблачавших преступную роль религиозных организаций, буржуазия со своими прихвостнями шарахнулась вправо в стремлении использовать

религию для закрепления своей власти. Одна и та же церемония — похороны жертв революции — в разные моменты развития революции имела различный характер, отчетливо отражая на себе соотношение классовых сил.

После февральской революции в Петрограде были организованы похороны двухсот жертв революции на Марсовом поле. Это было 5 апреля. С 10 час. утра и до позднего вечера бесконечные процессии со всех концов города проходили мимо братских могил. В этой церемонии духовенство участия не принимало, похороны носили не религиозный, а революционный характер. Это объясняется, с одной стороны, настроениями самого пролетариата, а кроме того и тем, что и либеральная буржуазия со своими социал-лакеями переживала медо-

вый месяц упоения властью. Она чувствовала себя достаточно прочно, не так остро нуждалась в помощи религии.

Всего через три месяца (15 июля) в том же Петрограде были устроены другие похороны — семи казаков, убитых при подавлении большевистской вооруженной демонстрации. В этих похоронах не участвовал пролетариат, но зато участвовало вместе с буржуазией и эсеро-меньшевистским временным правительством — духовенство... В это время буржуазия и ее социал-холопы чувствовали себя уже далеко не прочно. Поэтому для усиления своего влияния на массы они привлекли религию. Церковь устроила пышные похороны казаков (см. рис. 1). Сам председатель синода, архиепископ Платон, говорил в Исаакиевском соборе надгробное слово, в

15 июля 1917 г. буржуазия и попы устроили пышные похороны казаков, убитых во время подавления июльской вооруженной демонстрации большевиков.

Похороны казаков, убитых при подавлении июльской демонстрации. В первых рядах процессии — члены буржуазного временного правительства и Государственной думы.

котором всячески расхваливал подвиги убитых казаков и метал громы против большевиков. Чтобы заставить казаков продолжать борьбу за интересы буржуазии, Платон говорил: «Стократ блаженны те, кому бог судил воспринять мученический венец. Умереть за родину (находившуюся в лапах эксплуататоров?) — какая славная смерть, единственная, исключительная». Большевиков в своей проповеди Платон называл предателями, злодеями, изменниками...

Еще через несколько месяцев, уже после Октябрьского переворота — опять похороны, но двух родов: буржуазия вместе с попами широко использовала похороны контр-революционных юнкеров и офицеров для агитации против революции и против власти советов (см. рис. 2). На лентах надгробных венков были надписи, вроде следующих: «жертвам народного безумия» (см. рис. 3). Этим именем называла буржуа-

Москва в Октябрьские дни. Никольские ворота Кремля со стороны Красной площади после обстрела.

зия вместе с попами Октябрьскую революцию.

Пролетариат свои жертвы хоро-

нил без попов. Некогда было ему заниматься украшением могил борцов, павших за революцию. Поэтому так скромно выглядела братская могила у Кремлевской стены (см. рис. 3).

Буржуазия с помощью церкви вела борьбу против советской власти и одним из способов этой борьбы были... панихиды по контр-революционерам. 18 апреля (1918 года) церковный собор постановил: «установить возношение в храмах за богослужением особых прошений... о скончавших жизнь свою исповедниках и мучениках. Совершить торжественное моление — поминальное об упокоении со святыми усопших. Устроить... во всех приходах, где были скончавшие жизнь свою за веру и церковь (т.е. за контр-революцию — Д. К.), крестные ходы к местам их погребения, где совершить торжественные панихиды с прославлением в слове священной их памяти».

Таким образом, контр-революционный штаб попов давал директиву местам использовать поминовения и панихиды по контр-революционерам для агитации за свержение власти советов. Так на протяжении одного года публичные похороны пережили вместе с революцией ряд этапов, из революционного акта превращаясь в собственную его противоположность.

Здание бывшей Московской думы с революционным лозунгом «Религия — опиум для народа».

ЕВРЕИ НА ЗЕМЛЕ

Очерк Д. Маллори

Одним из достижений Октября является переселение нескольких сот разоренных погромами бедных местечковых евреев на землю.

В Крыму, на полях Одесщины, Херсонщины и Кириворжия, где земля еще не подвергалась обработке, где еще требуются мелкоразливные работы, где было сухо и пустынно, вырастают все новые и новые земледельческие еврейские колонии и создается новая общественная единица — еврей-хлебороб.

Кровавой волной прошли по Украине погромы. В своих интересных воспоминаниях о петлюровских погромах чрезвычайно любопытными фактами делится бывший министр по еврейским делам при Украинской Раде П. Красный. Он рассказывает о чудовищном Проскуровском погроме (2.000 жертв), произведенном уже тогда, когда Петлюра обладал всей полнотой власти и стоял во главе «Директории».

Он рассказывает о первой программной речи военного министра Украины Симона Петлюры, который хотел одновременно подражать и Наполеону и Керенскому, и призывал на сезде в Бердичеве свои войска «зорко следить за внутренним врагом, лукавым и хитрым, который притаился на каждом шагу за стенами с'езда».

Пояснить, кого Петлюра подозревает, кто «враг» украинской армии, конечно, было излишне. Войска понимало своего вождя. Начались погромы и, прежде всего, в Бердичеве. Затем в Коростене, затем в Шепетовке.

Значительная часть переселенцев — свидетели погромов; в громадном большинстве — это бывшие мелкие торговцы и

нимает расселение сотен тысяч евреев на земле, и превращение забитых, полуголодных местечковых торгашей и ремесленников в здоровых и бодрых хлеборобов.

10 лет тому назад, при царской власти, мысль о поселении евреев на землю казалась бы совершенно невозможной.

Еврей земледельцы на полевых работах.

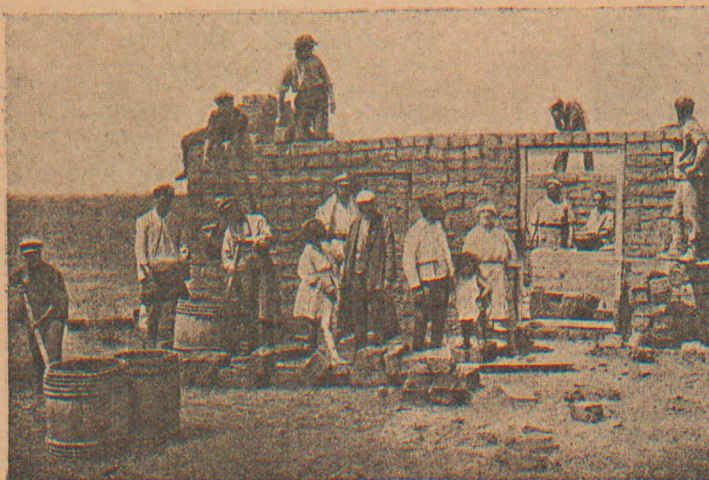
Меняются времена, меняются взгляды. И вместо бывшего натравливания темного крестьянина на забитого и бесправного еврея, вместо бывших погромов, при помощи которых пыталась удержаться прогнившая царская власть, теперь мы наблюдаем дружное общежитие, общение в совместной работе советского крестьянина с земледельцем-евреем.

Закипела работа в еврейских колониях на Одесщине и Херсонщине, куда уже переселено великое множество еврейских семейств из тех юго-западных местечек, где кровавой волной прошли десятки всяких атаманов, генералов, гетманов и «батек».

Выстрел еврейского часовщика в Париже, выстрел которым был убит один из главных погромщиков Украины, пан Петлюра, много рассказал и еще расскажет на суде о грабежах, убийствах, насилиях и прочих ужасах еврейских погромов.

Теперь переселенцы бросились на землю, как на новую жизнь, и прилагают все старания, чтобы наладить ее как следует и самим стать нужными и полезными членами советского государства.

Нелегкая задача выпала на долю евреев-землеробов: им дается далеко не лучшая и не всегда плодородная земля, ибо таковая большей частью уже разорана. Часто безводная, голая, не приспособленная к засеву земля попадает в руки переселенцев. Много труда, много энергии, настойчивости и воли

За постройкой дома.

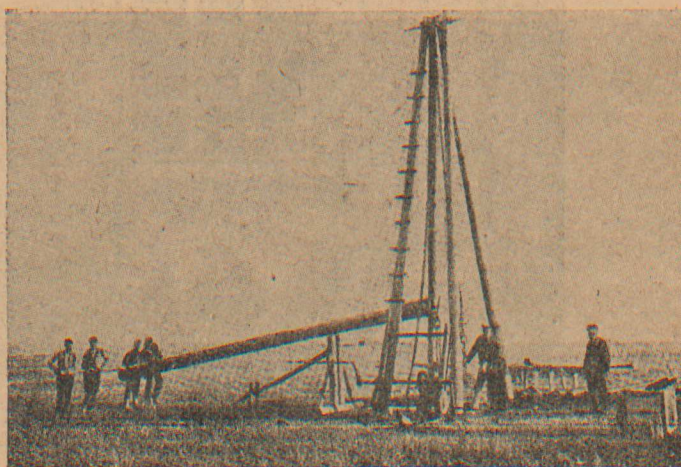
ремесленники. Из Волынской, Житомирской, Киевской, Подольской, Херсонской губ., из затхлых, придушенных местечек переселились они на простор полей, и вместе со свежим воздухом трудовой республики, вместе с новой трудовой жизнью изменился здесь внешний облик еврей-хлебороба.

Тяжело было в начале. В новых колониях не было ни построек, ни воды, ни скотины, ни жилья. Да и сами крестьяне, живущие вокруг, относились к новоселам с недоверием.

— «Первые годы были очень тяжелы, — рассказывают переселенцы из еврейской колонии Икор под Евпаторией. Вил недород, да и сами мы не приспособились еще, жили в землянках. Но, разве еврей привыкать к этому?»

И потому мы выдержали. Нельзя было бросать землю. Если бы мы уехали отсюда — это создало бы панику, и никто бы сюда не поехал. Но мы терпели не даром. С каждым годом улучшается наше дело. Нынешний год имеем недурной урожай. И мы уверены, что дело у нас пойдет».

И действительно, среди грандиозных и разнообразных достижений Октябрьской революции не последнее место за-

Бурение артезианского колодца.

Еврейская детская колония в с. Захарьевка на Одессине.

нужно для того, чтобы на безводных степях Херсонщины, Одессины и Криворожья, на каменистой почве Крыма создать новую жизнь, заставить землю давать хлеб там, где рос бурьян да царил вечная засуха.

Тем не менее большинство еврейских колоний уже представляют собой цветущие культурные поселки, где налажена общественная работа, где имеются сельсоветы, сельбуды, комитеты незаможных, комсомол, сельхозы и потребительская кооперация, пионерские отряды, дома-читальни и клубы.

Благодаря применению культурных способов обработки земель, с каждым годом в колониях отмечается улучшение урожаев. Среди селян евреев бодрое настроение. Они совсем уже не похожи на тех забитых и приниженных местечковых евреев, героев рассказов Шолом-Алейхема и Менделя Мохер Сфорима или «дедушки» Абрамовича, которые бежали искать «святую землю».

Взамен «святой» местечковые евреи нашли теперь советскую землю, которая совершенно переродила их и сменила уныние, бессилие и забитость бодростью, волей и удовлетворенностью, почерпаемой в новой трудовой деятельности.

Во всех колониях отмечается необычайный интерес к сельскому хозяйству. Можно с уверенностью сказать, что еврейское население в недалеком будущем доведет свое хозяйство до высшего уровня агрикультуры.

Необходимо отметить, в первую голову, что среди евреев-колонистов сильно упала религиозность. Набожные евреи, молящиеся по субботам в синагогах, здесь, на советской земле, в здоровой трудовой советской атмосфере, совершенно позабыли о синагоге, раввинах и цадиках.

— «Верили мы в бога, — говорит старый Яков Коган, потрясая длинной, седой, патриархально-библейской бородой. — Верили мы в бога, и мордой сортиры вытирали! Верили мы в бога и много молились ему, а нас резали, жгли били и грабили, жен наших и дочек погнали. — и не помог нам бог. В то время люди помогли! И сами мы себе помогли. Бросили насиженные места, на землю сели. На земле сидим и на небо не смотрим! Некогда. Другое есть дело, гораздо более важное. Мы большую и трудную работу делаем».

Конечно, и здесь собираются кое-где группами старики и наиболее отсталые элементы, и в праздники молятся по старине, но с каждым годом явно падает религиозность среди евреев-хлеборобов.

О молодежи нечего и говорить! В еврейских колониях вы не найдете юношей-ешиботников в их длинных капотах, с детских лет отдающих себя изучению «геммары» и прочих

премудростей талмуда! Здоровое, рабочее поколение растет здесь среди степей, под солнцем юга, обвеваемое теплыми ветрами и солеными запахами моря, — растет для того, чтобы создать новую породу трудовых людей, которым показалось бы дикой сказкой отжившей мрачное прошлое с «чертой оседлости», с погромами, с еврейской приниженностью, с нелепым поклонением богам и раввинам!

Поговорите с колонистами.

— Вы не смотрите на меня теперь, товарищ городской, вы посмотрели бы на меня прежде, как я жил в местечке, — говорит старый еврей-колонист.

— Ведь я двух сыновей потерял, когда батя Зеленый пришел. Одна дочка с ума сошла, другую за местечком мертвую нашла моя старуха. Думали не переживем! Но пережили! Думал совсем пригнулся я к могиле, земля меня выпрямила. Трудно было, сильно трудно в начале. Землю приучать нужно было. Землю кормить надо, чтоб она тебя кормила.

И старый Нахман Шмойс действительно как будто выпрямляется, и лицо его, загорелое от южного солнца, глядит бодро по новому.

Сколько их, таких Нахманов, молодых и старых, проживших одну и начинающих другую жизнь? Плановое еврейское переселение на Украине собственно началось с 1925 г. Для этого было благоустроено и снабжено водой в Криворожском, Херсонском и Запорожском округах 123 тыс. гект. земли из колонизационного фонда.

Это только 11% предполагаемой площади земли, намеченной под колонизацию на юге Украины. Кроме того, под колонизационный фонд предназначено еще 25 тыс. гект. совсем неудобной земли, например Алешковские пески, с тем, чтобы мелиорация была проведена там, главным образом, средствами общественных организаций, материально поддерживающих еврейские переселения.

Новая жизнь рождает новое сознание. Соседи еврейских колонистов не знают антисемитизма. Своим упорным трудом, настойчивостью колонисты повышают сельскохозяйственную культуру, и завоевывают доверие и дружбу со стороны крестьян. 30 тыс. дес. на Одессине, и частично на Херсонщине предоставлено еврейским хлеборобам.

«Выпрямила земля!». Она сгладила и выровняла многие отрицательные свойства прежнего местечкового еврейства. Она научила старых людей петь новые песни. И никогда уже здешняя молодежь не узнает более о тех страданиях, которые теперь даже старикам колонистам кажутся сном, далеким и кошмарным.

Не стало гнета — не стало бога!

Падает религиозность — затихает и национальная ненависть.

Плакат, показывающий рост еврейского сельскохозяйств. населения в СССР с 1913 до 1927 г.

ГОРОДОК НА ВОЛГЕ

Очерк А. БАЗАРОВА

I.

Пароход, хрипло дыша и шлепая плитами, идет вниз по Волге. Бодрящее холодное утро. За понтонным мостом первая остановка — Кимры — сапожный городок. Издали кажется: придавив весь городишко грузный пятиглавый собор, словно сел на город и назойливо пилится на солнце свеженачищенным золотом куполов, похожий на сусальный росписной пряник. Многопудовый образец безвкусицы многопудовых расейских купчин, замаливавших многопудовые грехи свои.

Скрылся собор и снова вьются берега. Не широка, но красива в этом месте Волга. Зеленые сочные травы чередуются с золотистым песком пляжей и лесистыми пригорками. Неподвижно застыли в прозрачном воздухе мельницы-ветряки.

Вот Калязин — бойкий торговый городок. За ним — старый Покровский монастырь и вот, наконец, за поворотом, — развернулся огромный макет декорации — Углич. Набожнейший из набожных городов старой, дореволюционной России. Один из примечательнейших старинных русских городов.

Многочисленные главы церквей ярко сияют на солнце. Куда ни взглянешь — церковь, церковь и церковь...

История, многовековая история этого города предстала передо мною во всей своей пестроте...

Прошлое и настоящее, старое и новое, переплелись в этом городе причудливо и своеобразно.

В нем нет или почти нет современных построек. В нем не чувствуется не только 20-й, но даже и 19-й век. Здесь не редкость встретить человека, живущего в деревянном домике, сохранившемся от 17 века.

Пройдите по городу и вы увидите, что это — город-музей. Вот на высоком берегу Волги, в гуще сада — дворцовая палата 15-го века, во дворе которой был убит царевич Дмитрий. Сейчас здесь ютится местный исторический музей города, созданный трудами любите-

лей старины, уроженцев города. Многие экспонаты в этом музее связаны с именем убитого царевича. Вот в этот колокол ударил «пономарь, вдовой поп, Федор Офонасьев сын, прозвище Огурец», созывая народ после убийства. Этот колокол Борис Годунов сослал затем в Тобольск как «государственного преступника».

Еще один памятник старины: трехшатровая церковь Алексеевского монастыря. В прошедшие века церковь вы-

«священного писания», которые так часто встречаются при входе в наши храмы:

— «Приидите ко мне все труждающиеся и аз упокою вы!».

Кто знает, сколько людей было «упокоено» в этом «храме божием»?

Сейчас церковь реставрируется как редкостный памятник старины.

В Угличе обилие «обителей духа божия». В ясные, погожие дни город смотрит в безоблачную высь белыми

Демонстрация на площади.

полняла чрезвычайно важное политическое назначение — была тюрьмой. Жутко и сейчас под мрачными сводами казематов церковной темницы, находящейся в подклети. Церковь-тюрьма — чрезвычайно показательный памятник. Какой злой иронией звучат здесь слова

монастырями, желтыми, красными, серыми церквами и часовенками, а спокойная вода Волги отражает бесчисленное количество опрокинутых луковичных куполов. На 6 тысяч жителей — 29 храмов и 3 монастыря! Вот где с полным правом могло сказать духовенство:

Здание бывшей Царевской церкви, использованное под церковно-исторический музей.

Общий вид города Углича.

— На наш век хватит!

Церквей-то много, а вот молящихся в церквах становится все меньше и меньше. А кто идет в церковь? — Старички, старухи, редко молодежь, крепко захлестнутая древним укладом семейного быта...

Небольшой, но характерный и яркий для нынешнего положения церкви штрих: напротив церкви, на заборе, огромная афиша красноречиво вещает о том, что «бывший митрофорный архиерей, бывший член высшего церковного управления» Калининский прочтет две лекции: «Тайны церкви» и «Что такое религия».

Утром, в окно комнаты, меня здесь приютившей, на фоне нежной зари, я отчетливо вижу яркие очертания монастыря. Чем-то неадаптированным, неживым веет от этих белых стен и куполов, от золотых крестов, тянувшихся к сиреневым облакам, от всей «обители духа»...

А вот совсем напротив моего окна, на другой стороне улицы, стиснута двумя домами красная часовня. На куполе у нее вместо креста положится красный флаг. У входа в часовню стоит несколько подвод и дюжие, обсыпанные мукой, люди, с крикательством и руганью выносят из часовни и грузят на подводы тяжелые мешки. В часовне мучной склад какого-то кооператива.

Вчера меня разбудил шумный перестук колоколов... На базарной площади пылало под солнцем облачение священнослужителей, качались хоругви и церковное пение висело над городом. Это был крестный ход. Крестные ходы — здесь обычное явление.

Сейчас я вижу через окно, как в небо остро уперлись сосновые радио-мачты...

Бывшее здание часовни Покровского монастыря — теперь базисный склад рабочего кооператива. Отгрузка муки.

Крестный ход и часовня, занятая под мучной склад! От монастырской колокольни 17 века — до радио! Какие параллели, какой своеобразный, хотя и длительный путь борьбы нового со старым в уездном городе...

Парад пионеров.

И вот, теперь, летним вечером, когда ночь кутает город в фиолетовую вуаль, когда на улицах нет ни одного прохожего, мы сидим в небольшой комнатке, говорим о старине и слушаем радио. Мы слушаем по радио Москву, и человеческий голос, хор и шумный оркестр летят сюда к нам, в тихий уездный город, из далекой красной столицы.

Времена меняются, меняется жизнь, но как трудно и тяжело меняются нравы захолустных людей.

Город продолжает оставаться городком служащих и обывателей. Местом исторических «святень» и умирающей религиозности. Обыватель до сих пор не может забыть, что почти 10 лет тому назад его так непочтительно потревожила революция. Обыватель с наслаждением смакует сейчас весть, что кто-то, где-то и что-то растратил. Но в то же время он почтительно проходит мимо здания исправтруддома, выдыхая в душе:

— Эх, все мы люди, все человеки! Все под богом ходим! Мало ли что может случиться...

Встречаясь на улице с секретарем укома, безруким инвалидом, он с опаской уступает ему дорогу...

Таковы нравы.

И все же...

... И все же новое побеждает.

Любопытно в уездном городе выяснить, какие учреждения возникли в нем и в уезде после революции. Это — показатель роста и культурного развития провинции.

Так вот далеко не полный список того, что сделала революция в Угличе.

Электростанция. Школа-семилетка. Школа II ступени. Профшкола. Педагогический техникум. Школа кройки и шитья. Детдом. Два детсада. По селам обучается около 85% всех детей.

Ряд общественных организаций работают в городе и в уезде: МОПР, Осоавиахим, ОДН, радиокружки.

Уезд радиофицируется. Москву ежедневно слушают тысячи человек.

Работает летний театр и два летних сада.

Открыт Дом крестьянина с бесплатной юридической помощью.

Лечебные учреждения.

В уезде 28 изб-читален и 75 красных уголков.

12 кружков самообразования.

22 библиотеки и 90 передвижек.

Здание часовни Покровского монастыря, использованное под базисный склад городского рабочего кооператива.

В школах ликбеза обучается 1.160 человек, из 1.688 неграмотных по уезду.

Все это то новое, рожденное революцией, что заставляет умирать церкви и монастыри, вытесняет из жизни стародавний, религиозно-обывательский уклад быта.

Рассказ ТАТАРОВА

Рисунки Г. ЗАНЕГИНА

Кто не знает ту церковку, что стояла на углу Лепешинского переулка — церковку древней кладки, неуклюжую и пузатую, как огромный куль, набитый мякиной... Много лет стояла она на своем месте. Но уже нет ее там ныне — зеленым платком простирается здесь сквер и на ровно подстриженных газонах его по утрам — звонкий смех ребятишек, а вечерами — расплывающиеся в сумраке очертания человеческих фигур, теснящихся на лавочках.

Пузатой и неуклюжей церковки нет. С высоты холма, на котором сооружена была она усердием именитого купечества, — уже не падает в вечернюю синь ее протяжный благовест; уже нельзя теперь, как бывало, взобраться на ее колокольню, прикрытую золоченым чешуйчатым куполом, — и ахнуть, увидев под ногами целое стадо разного цвета крыш, жмушихся друг к другу, и серую паутину улиц с грохочущими на мостовой подводами. И уже нельзя, сунув пятачок звонарю, — заменить его на трудной и забавной работе: опираясь ногой на приподнятую доску, от которой идет веревка к языку колокола, звонить и звонить, сотрясая стекла в соседних домах...

Замечательны были колокола на этой колокольне: большие, поменьше и совсем маленькие, то рассыпающиеся мальчишески-озорным трезвоном, то баяющие по-архидиаконски важно, по поддакивающим солидно и умеренно; всякие были колокола... И среди них один — многопудовая литая глыба, звон которой был непередаваемо торжественен. Колокол среди колоколов, так сказать, предводитель. Даже крамольно настроенные человеки, нерадивые ко храмовому благолепию, и те не могли не узнать его бархатисто-металлический рык — на какой бы окраине они ни находились.

Это был, действительно, всем колоколам колокол. А когда случался пожар или жаловал в город сам губернатор, он гудел

равномерно, благолепно и оглушительно. На соседних дворах металась ошалелая куры, а набожные хозяйки, благочестиво крестясь, плотнее прикрывали ставнями окна: того гляди — осыплются они звонкими осколками на землю.

Проходили года, и все было так изо дня в день, из месяца в месяц до самого того утра, о котором следует рассказ...

То утро наступило сразу — и город захлебнулся в злобещей и настороженной тишине. Правда, до него, до утра-то, было много разнообразного шума: были кипучие митинги на площадях, кричали «ура» и «долой», звенели офицерские шпоры — и улицы — от вокзала до главной площади, заливал серый солдатский поток, в водовороте которого крутились сундучки, мешки, корзинки. Стучали винтовки с автомобилей, белыми стаями летали воззвания, листовки, плакаты... Был шум, была неразбериха, и были дни тревожные и настороженные, притаившиеся, присевшие по-кошачьи на задние лапы...

И вот на смену этим дням, на смену всему этому ералашу пришло утро: серое и пасмурное утро Октября. Оно пришло под прикрытием низко ползущих облаков, подобных просмоленному брезенту, с ветром, с мелко-сеющим дождем, с упорной и настойчивой тишиной...

... По городу шептались:

— «Большевики»!

Он вступил в круг, освещенный пламенем костра.

Наглухо закрывались ставни на окнах. Лавки и лабазы, магазины и чайные запирали свои двери тяжелыми крюками и железными засовами. На улицах, на стенах домов и на покосившихся столбах фонарей пестрели белые заплатки приказов. В приказах говорилось: «о спасении родины», о «военном положении», о «большевиках» и о необходимости для населения «сохранять спокойствие». Внизу, подо всем этим была подпись: «комендант города — пол-

ковник Свистунов“, а под полковником, ниже, вторая: настоятель храма святыя великомученицы Варвары — отец Евгений Лихолетов.

Так, хотя и косвенно, в это пасмурное утро пузатая церковь, что на холме, была вовлечена в губительный для одних, в пламенный для других круговорот событий...

К вечеру, когда сумерки круто замешанной темнотой, беззвездной и осклизлой от дождя, навалились на город; когда в расщелинах улиц ни единый луч не дробил свое серебро, когда тишина стала напряженнее и сердца забились учащенно, — тогда отчетливо и резко прозвучали первые выстрелы.

Никто не знал, и не узнал посейчас, и никогда не узнает, чьи пальцы первыми нажали курок; но выстрелы грянули в ночь — и в ответ им глухо и решительно запел колокол, тот самый, что был больше всех и тяжелее всех.

Товарищ Косматов, на ходу затягивая ремень и оправляя кобур, выскочил на улицу. При неверном свете костра он увидел несколько теней, преображенных пламенем, — его отблески на вороненой стали винтовочных стволов и на тупом рыле пулемета.

Резкий голос окрикнул:

— Кто идет?

Косматов отозвался:

— Свой...

Он вступил в круг, освещенный пламенем костра. Перед ним озарились лица — сухие, изрезанные морщинами лица рабочих, пришедших с о кожевенного завода и заросшие бородами лица солдат-фронтовиков, прибывших в город.

Косматов спросил:

— Ну, как дела, товарищи?

Тот же резкий голос ответил:

— На Лепешинском уже палат. Слышишь?

Подтверждая эти слова, вдаль зацелкали выстрелы. А над выстрелами, над их сухой трескотней, как бы на крыльях ветра, проплыл колокольный звон...

— Раззвонились богомолы! — произнес другой голос.

— С переляку, должно быть, — ответил кто-то.

— Дура! «с переляку». Не иначе, как сигналы подают...

— Сигналы? Кому?

— Известно своим... Ну, да ладно — авось, не промажем. До утра подождем, а как только подойдут наши с машинного, — мы их возьмем в работу...

Голос умолк. Косматов нахлобучил на нос фуражку и поднял воротник...

Всю ночь ветер и дождь обрушивались на фонарь, силясь его загасить. Ветер рвал пламя, бросал с боку на бок, вытягивал длинным языком, мямл в комок. Дождь дребезжал по стеклу и падал вниз на скрипучие половицы. Громады колоколов, нависшие над головами, безмолвствовали...

Отец Евгений перегнулся через перила колокольни и, глянув вниз в наступающий рассвет серого утра, пробормотал:

— Ну, теперь они у меня на ладони... И верно — они были на ладони добрейшего отца Евгения.

С высоты колокольни, сквозь сырую пелену рассвета он различал все прилегающие к церкви улицы, площади, переулки. Он видел за ночь сооруженные красновардейцами баррикады, он видел их самих, жмущихся к стенам домов, липнущих в подворотнях, перебежками приближающихся все ближе и ближе.

Внезапно он отшатнулся от перил и крикнул:

— Кирюшка!

Из-под колоколов вышел человек, нет, не человек — человек, в черном подрянике, с лицом неопределимо невзрачным и глазами, тревожно вытаращенными на отца Евгения.

Коротко бросил ему отец Евгений:

— Звони!

Человечек, названный Кирюшкой, наступил ногой на половицу; канат, привязанный к языку

главного колокола, натянулся; колокол ровно и внушительно загудел, и его гуденье слилось со шрапнельными разрывами.

Отец Евгений, снова перегнувшийся через перила, изругался:

— Ах, дьявол! Недолет... А, ну, Кирюшка, вдарь-ка один раз долго, а другой раз — коротко...

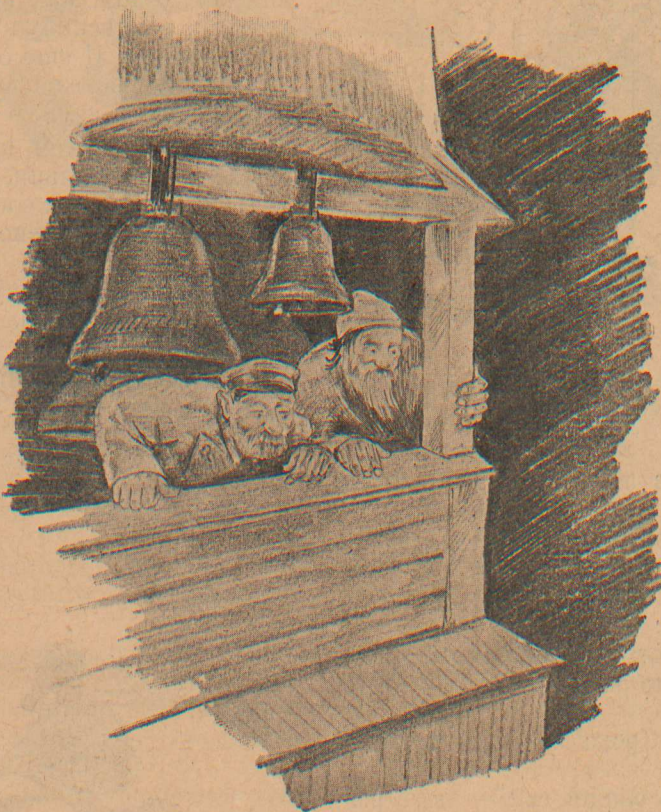
Снова Кирюшка надавил половицу. Снова загудел колокол, но уже иначе. И снова к гуденью его присоединился разрыв шрапнели.

Отец Евгений ликующе вскинул руки:

— Молодцы! Со второго раза — и в точку! Вот так пристрелка!...

Он видел, как внизу на улицах рассыпались черными муравьями люди. Одни из них бежали, другие оставались неподвижно лежать, настигнутые сталью и свинцом, и он смотрел на них, и над головою его плыли удары колокола, и шептал он судорожно, все еще надеясь:

— Поддай, господи!..

„Ну, теперь они у меня на ладони!“

... как вдоль стен, садами, переулками, через заборы и пустыри — крались они к колокольне.

Косматов выглянул из подворотни. Крикнул:

— Братва!..

На зов его вынырнули фигуры красногвардейцев. Косматов повторил:

— Братва!..

Резкий голос отозвался:

— Братва-то братва, а вот, что нам с ихней артиллерией делать, — ты вот что скажи...

Другой голос поддержал:

— Прямо невозможно. Кроют в самую точку, и податься некуда...

Затем голоса слились в общий гул — неуверенный и угрожающий. Косматов поднял руки и сказал:

— Кто со мной?

— Куда? — спросили голоса.

— А на колокольню. — И прислушавшись, добавил. — Ой, как ладно звонит.

— Сигналы подает, сукин сын! — догадался кто-то. — Стрельбу исправляет.

— То-то оно и есть! — ответил Косматов. — Пока этих звонарей не снимем — ни черта у нас не получится. Ну, кто со мной?

— Я! Я! Я!

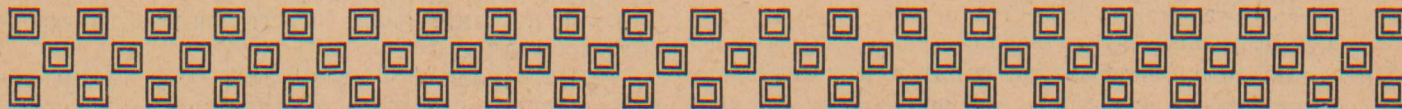
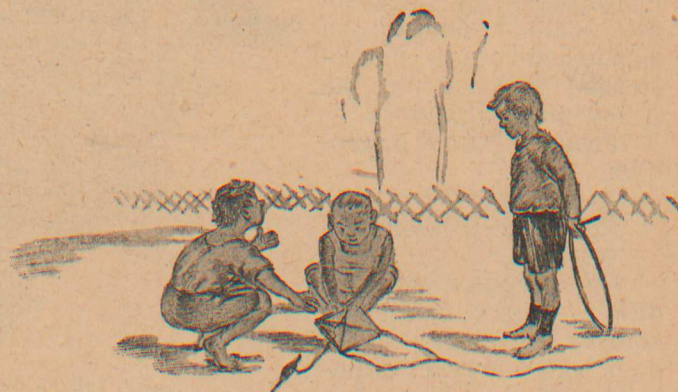
Не знаю, как рассказать о том, что было дальше; о том, как вдоль стен, садами, переулками, через заборы и пустыри крались они к колокольне; дальше — о том, как скрипели под их ногами лестничные ступени, крутящиеся винтом ввысь — к колоколам; о том, как широко открылись глаза отца Евгения, как вскинул он руки, когда виска его коснулся наган. И еще о том, как тело отца Евгения, перекинутое через перила, черной летучей мышью грохнулось об землю, о том, как визжал Кирюшка...

И, наконец, о том, как над городом, водруженный на высоту колокольни, вспыхнул красный флаг.

Не знаю, какими словами рассказывать о том, что было дальше. И нужно ли? Ведь все уже вы знаете сами...

Что же касается пузатой церкви, отца Евгения Лихолетова, а главное — литого колокола, что всем колоколам вожак, — то смело и безошибочно поставим, товарищи, точку...

— Их нет...

ПРЯМЫЙ ГЛЯДЕН

(Путевой очерк)

Очерк ПАВ. НЕЛАЕВА

Рисунки Г. ГОЛУБЕВА

I.

Гора Гляден — на стоке рек Юга и Сухоны, а на ней — монастырь. Женский монастырь, где сотни лет в укромных кельях «бичевали» свою плоть рыхлые, румяные черницы в черных капюшонах. Другие монашки шмыгали по городам и весям Севера с жестяными кружками, бойко, но со скромно потупленными взорами выпрашивая копейки на благолепие храма.

И умножались доходы монастыря, росла в округе его слава и слава его настоятельницы — игумении Марии.

Уйдя от пыльных, полных соблазна улиц Питера, где Мария была модисткой, она вдруг возымела желание спастись. Умная, покладистая, она скоро зарекомендовала себе известность в церковных кругах и снижала расположение самого архиерея.

Монастырь заполнили рослые, скуластые зырянки, медлительные вятички и бойкие хохлушки.

Благодаря связям, монастырь закрепил за собой ряд сенокосных участков по реке Югу и отхватил приличный кусок земли около дер. Морозовица. В годы революции игумения сумела найти свою линию и организовала в монастыре сельскохозяйственную коммуну. Под крылышком коммуны игумения — теперь уже председательница, добилась у земотдела разных привилегий, что дало возможность братии жить припеваючи восемь лет, да и самого владыку пристроить к этой беспечальной жизни. Архиепископ Алексей Пермский поселился в монастырских покоех. Коммуна, как и раньше, вела церковные службы, а архиерей выступал с проповедями.

Имея бесплатную рабочую силу (и беженцы с Поволжья и местные верующие крестьяне), машины, скот, землю и сенокосы, коммуна «раздувала кадило» по всю.

Лишь спустя восемь лет, после долголетней тяжбы крестьян с коммуной, ее ликвидировали, выселили архиерея из покоев, а обширные трапезные и кельи отвели под колонию несовершеннолетних.

Их привозят в приемник партиями и сдают заведующему.

Остренькие грязные мордочки — только что грелся у асфальтового котла — вздыбленные волосенки и насупленный взор недетских, серьезных глаз, ноги босые, а сквозь лохмотья одежды выглядывает голое грязное тело. Отводят ребят в ванную, где долго моют, потом дают чистое белье, койку, ужин, и изголодавшиеся, измученные ребята засыпают мертвым сном.

На другой день этих диких зверков-дичков пытаются приручить. Знакомят с детьми, которые уже обжились в колонии, и приучают к детским играм.

Понемногу, день-от-дня, ребенок, которому надоела улица, которого еще не целиком засосала пьяная, угарная и полуголодная жизнь, — приобщается к труду и дисциплине.

Колония имеет огород. Здесь ребята сажают овощи, картошку, морковь, и урожай вполне хватает колонистам на всю зиму.

Кроме того, в колонии имеются две мастерские — сапожная и слесарная, где ребята постепенно приобретают трудовые навыки.

Имеют колонисты свою стенгазету, ставят спектакли и проводят коллективные читки книг.

Некоторые недурно лепят из глины и рисуют. Образцы этих работ были показаны на районной конференции школ и пользовались там большим успехом.

А ведь сюда идут ребята, с которыми, казалось, ничего нельзя было сделать!

— Падшие дети, — сказала бы мещанка, «сердобольная» барынька.

Такая будет ныть и о советских порядках, о том, что, де, орды беспризорников наводнили улицы городов и будет орать до хрипоты в голосе, если такой оборвыш стянёт у нее на базаре из корзины булку.

Но сама пальцем о палец не ударит, чтобы помочь залуганному, придавленному жизнью ребенку найти кусок хлеба.

* * *

Коротконогий и сухой, как чернобыль, что растет у дороги, он сел на окно и запел:

— Я умею молотить,
Умею подмолачивать,
Умею девушек любить,
Карманы выворачивать.

— Это «ширмач» — карманник, — говорит мне заведующий.

В углу — группа ребят. В центре этой группы сидит на корточках раскосый, со смуглой кожей на скуластом испитом лице мальчонка и рассказывает:

— Вот, имела она «хазу»¹⁾, где сбор делали... Что изловим²⁾ она «ватырит»³⁾... Пошли раз на одно «сухое»⁴⁾ дело... Все влезли, а меня оставили на «стреме»⁵⁾...

Ребята сгрудились около рассказчика, уставив на него острые мордочки.

— ... Вот стою это я, а дождь, как из ведра, льет... Темь — ни зги не вижу. Вдруг откуда ни возьмись — «мент»⁶⁾. Только и успел крикнуть ребятам «пли-туй»⁷⁾, как меня сгребли. Ну, и засыпались... Дали мне месяц Допра, а потом я к «марафетчице»⁸⁾ в Киеве поступил на дело. Хорошо жили... А потом засыпалась⁹⁾ марафетчица. Подался я на север. Ходил здесь месяц по «голубям», а теперь попался — и вот, чиню сапоги...

Скосил по смешному глаза и запел:

— Цыпленка взяли,
Арестовали,
И посадили в Гепеу...
Цыпленок жареный,
Цыпленок пареный,
Цыпленок тоже хочет жить...

Я сижу тихо в углу и наблюдаю. Часть ребятшек уже спала, двое играли в «буру»¹⁰⁾, кто-то с кем-то подрался, но скоро все затихло, ребята улеглись спать...

А утром, когда на пыльные плиты монастырского двора, сквозь березовую листву падали блики солнца, ребята пошли рыбачить. Выволокли невод и с уханьем и гиком потянули его под гору.

— Кто из ребят совсем свихнулся, — рассказывает заведующий, — те бегут, а у нас остаются все же 80 процентов...

— Сейчас в колонии 100 человек.

Уезжая, я узнал, что тот, который повествовал вчера вечером о налете «дал тягу», ушел.

Таких 20 процентов, а остальные бродят под вечер в древнем монастырском саду, мирно беседуют и строят планы своей новой жизни.

Когда я спускался с горы и монастырь остался позади, прикрытый садом, как мохнатой шапкой, до меня долетело пенье молодых голосов:

— Мы молодая гвардия
Рабочих и крестьян...

Это пели беспризорники, недавние воришки, а теперь цветы жизни, что пустили ростки наживительной советской земле колонии...

1) квартира; 2) добудем; 3) спрячет; 4) мокрое дело—убийство, сухое дело—кража, грабёж без убийства; 5) на страже; 6) милиционер; 7) беги; 8) торговка кокаином; 9) попалась; 10) картежная игра.

БЕЗБОЖНЫЙ ГОРОД

(Карачаевская авт. область, Сев.-Кавказского края)

А. ЧЕРНЫШЕВА

Автономная Карачаевская область не имеет ни одного города. Карачаевцы бедняки-скотоводы ютятся в аулах, разбросанных по ущельям, долинам и склонам гор.

Но нет ни одного аула в Карачае, где бы не было мечети, где бы эфенди (мулла) не задурманивал головы безграмотным горцам сурами (песнями) из корана и, как паук, не обсаживал бы доверчивое и запуганное муллами население...

Получив автономию, карачаевцы начали строить свою жизнь по-новому...

В аулах Учкуланском, Хумаринском, Карт-Джуртском, Каменомостском и других появились комсомольские ячейки, отряды пионеров.

В ауле Тебердинском работают две артели горянок, объединившие и вдов-красноармеек и жен бедняков-горцев. Эти артели имеют свое молочное и огородное хозяйство.

На курорте Теберда третий год работает опорная школа, где карачаевские девушки и юноши совместно проходят курс школ II ступени на карачаевском и русском языках. В нынешнем году эту школу окончили 9 горянок и несмотря на то, что они уже достигли брачного возраста, когда здесь считается позором и стыдом не выходить замуж, — эти девушки заявили, что они желают продолжать свое образование и обзаведутся семьей только по окончании учения.

Растет авангард карачаевцев, который смело и открыто вступает в бой с шариадом и адатами...

В 1925 году, бывший тогда секретарь Крайкома С.-К. края, тов. Микоян (ныне Наркомторг СССР) посетил Карачай и поднял там вопрос о постройке города, который объединил бы силы горцев и явился бы областным центром Карачая...

Предложение тов. Микояна было встречено сочувственно, и постройка города началась в том же году...

Единогласно было решено назвать первый город Карачая — Микоян-Шахар (город Микояна).

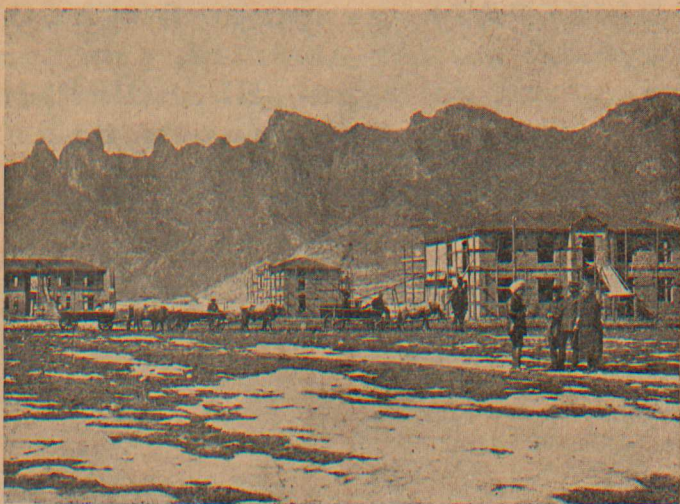
Постройка города заканчивается в этом году и ко дню 10-летия Октябрьской революции туда переедут все учреждения Карачая.

В этом городе нет ни мечети, ни синагоги, ни церкви. Там выстроен театр, будет открыто кино, двухэтажное здание почты, будет установлено радио.

Этот город будет центром безбожия, откуда по всему Карачаю, по его аулам в долинах и ущельях гор пойдет руководство борьбой с исламом и вообще с религией, руководство по строительству нового быта в самых диких и отсталых аулах.

В течение первых пяти лет население этого города не будет превышать 5 тысяч, но к нему уже проводится железная дорога и оканчивается постройка автомобильного шоссе в Нор-Сана, что будет способствовать быстрому развитию и росту города.

Город выстроен в местности Брус-Сыр-Ты, у выхода реки Кубани из Тебердинского ущелья, у подножья хребта Кавказских гор, недалеко от вечно покрытого снегом красавца Эльбруса.

Город Микоян-Шахар

Дома для рабочих и служащих областных учреждений.

Общий вид.

НАУКА ДЛЯ ВСЕХ

ОБЩЕДОСТУПНАЯ БИБЛИОТЕКА С РИСУНКАМИ

Почему мы умираем? Популярные очерки А. Липшица. Ц. 75 к.
Сон и сновидения. Популярный очерк д-ра Фишер. Ц. 70 к.
Беседы о магнетизме, электричестве и технике. В. Рюмина. Ц. 1 р. 20 к.
Небесные планеты Марс и Венера. Общедоступ. очерки С. Глазенапа. Ц. 50 к.

НАУЧНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДА В ТОРГОВЛЕ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Нет в торговле. Как организовать торговлю и как правильно вести торговые дела. С рисунками и таблицами. Состав. Зейферт. Ц. 1 р. 70 к.

Реклама, как ею пользоваться, и как правильно организовать в торговом и промышленном деле. Сост. Г. Берман. Ц. 1 р.

Генри Форд — американский король автомобилей и тракторов. Его жизнь, дела и мысли. Сост. Н. Асов. Ц. 45 к.

Труд и отдых. Как их организовывают. Сост. Л. Щегло. Ц. 60 к.

Тейлоризм. Популярный очерк по научной организации труда. В промышленной, сельском и домашнем хозяйствах. Сост. Н. Асов. Ц. 60 к.

Практическое руководство для изобретателей. С приложением законов, инструкций и разъяснений об изобретателях, получении патентов на изобретения, образцов бумаг, подаваемых изобретателями, и многими другими сведениями. Сост. эксперт ВСИХ В. Петровский. Ц. 1 р. 60 к.

БИБЛИОТЕКА НАУЧНЫХ ЧУДЕС

Тайны неба. Вселенной. (Солнце, Луна, звезды и их тайны) с рисунками. Составил М. Фусе. Ц. 1 р. 50 к.

Электричество. Освещение, телефон, телеграф, двигательная сила электричества, гальваноопластика. С рисунками. Сост. Э. Куето. Ц. 1 р. 50 к.

Электричество и материя. С рисунками. Состав. Я. Френкель. Ц. 1 р. 25 к.

Рентгеновские лучи и радий и лечение ими. С рисунками. Состав. Г. Нивенгольский. Ц. 1 р.

ВОЗДУХОПЛАВАНИЕ И РАДИО

Что надо знать о радио. Сост. Г. Ферн. Ц. 25 к.

Календарь друга радио. Цена 60 коп.

Карманный справочник радиолучителя. Сост. И. М. Басс. Ц. 1 р.

Радио для всех с приложением словаря по радио. Сост. Н. Эдварс. Ц. 1 р.

Общедоступная радиотелефония и радиотелеграфия. В книге 300 страниц и 158 рисунков. Сост. Г. Мальборн. Ц. 1 р. 75 к.

Радиосообщения. Основы и практика. Сост. Г. Парр. Ц. 1 р.

Как люди покорили воздух. Общедоступная история авиации со многими рисунками. Сост. К. Вейгелин. Ц. 2 р. 50 к.

Воздушные сообщения в Европе и Америке. С таблицами и картой. Сост. К. Вейгелин. Ц. 1 р. 50 к.

Ламповые радиоприемники. Сост. Скотт-Таллар. Ц. 70 к.

ИСТОРИЯ

Кр. история человечества. От возникновения жизни на земле до Октябрьской революции. Сост. Г. Уэллс. Ц. 2 р.

Нисполн. — герой буржуазии. Исторический очерк Т. Богдановича. Ц. 80 к.

Когда сл. — беждют. Очерки европейской реакции Т. Богдановича. Ц. 1 р.

Все перечисленные книги высылаются наложенным платежом. При высылке денег или почтовых марок вперед переписка бесплатна.

КНИЖНЫЙ СКЛАД „КНИГОВЕД“

Москва, 19, улица Герцена, 22—Е.

ВЫИГРАТЬ дважды ПЯТЬСОТ рублей может каждый, кто подпишется на журн. „БЕЗБОЖНИК“ на срок в полгода и более

Требуйте проспекты

ЛЮБУЮ КНИГУ

новую, редкую, распродан. по технике, медицине, сел. хоз., ремеслам и др. вопросам. Высылает немедленно, нал. платеж.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН

„НАУКА И ЖИЗНЬ“

Москва 19, Воздвиженка, 46.

Фирма осущ. с 1905 г.

КТО хочет сделаться хорошим оратором, тот должен выпустить новую книгу „Ораторское искусство“ с приложением „Искусство опираться и оспаривать“. Составил по сочин. проф. З. Фрейда, Р. Герлинга, проф. Э. Гейсера и др.

Цена с пересылкой наложенным платежом 1 р. 35 к.

Адрес: г. Пенза, почтовый ящик Б. № 30 (тридцатый), в книгоиздательство Г. Д. Давыдова.

выписывайте БЕЗ РИСКА

по ценам и качеству вне конкуренции

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ, принадлежно-

сти к ним, школы и самоучители

ГИТАРЫ 7 струн.—15 р. 50 к., 19 р., 22 р. 50 к., 24 р.

лучш. сорт.—26 р., 29 р. 50 к., 33 р. 50 к., 4 р.

концертн.—50 р., 60 р., 75 р.

МАНДОЛИНЫ плоские—15 р. 50 к., 19 р., 22 р. 50 к.,

27 р.

итальян. форм.—19 р. 50 к., 24 р.,

28 р., 35 п.

к нцертн.—37 р. 50 к., 45 р., 2 р. 65 р.

с моск.скими колками—4 р. 75 к.,

5 р. 50 к., 6 р., 6 р. 50 к.

с механизмом — 6 р., 6 р. 50 к.,

7 р. 5 к., 9 р.

лучшего сорта—10 р. 60 к., 12 р. 50 к.,

13 р. 8 к.

высшего сорта—15 р. 80 к., 18 р.,

23 р., 30 р.

ГАРМОНИИ—полувеки—30 р., 35 р. (обязательно

указыв.ть строй)

венские духр.—21 кл. 126. 50 р., 60 р.

23 кл. 126. 75 р., 80 р.

6-т. планочн.—85 р.,

110 р.

Заказчикам предоставляется право обмена

купленного инструмента.

Требуйте вновь вышедший иллюстр. прейскурант

на музык. инструменты с историей музыкальных

инструмент пр. доц. С. И. Чесоданов и табель

колендарем за две 8-ми коп. марки влож. в конверт.

Коллективам, клубам и красноармейцам бесплатно.

Заказы исполняются быстро и аккуратно на-

ложенным платежом по получении 30% задатка.

Письма и деньги адресовать:

МОСКВА, Бюро „ПОЧТО-ПОСЫЛКА“

Поч. овка 16/Г. Почтовый ящ. № 994.

Адрес для телеграмм: Москва „Почтопосылка“

ГЛАФПРОФОБР.

ЗАОЧНЫЕ ТЕХНИЧЕСКИЕ КУРСЫ

при механическом институте им. М. В. Ломоносова

Москва, 9, Благовещенская, 1/6.

ОТКРЫТ ПРИЕМ на обще-технический цикл

(для начинающих), состоящий из след. предметов:

1) Прикладная математика; 2) Прикладная физика;

3) Основы механики; 4) Чтение чертежей и составление

эскизов. Принимается запись на все предметы или

на каждый в отдельности. Плата за обучение в сред-

нем около 2—3 р. в месяц.

Условия поступления и программы высылаются по

первому требованию.

Канц. курсов открыта для справок ежедн. от 4 до 7 ч.

МУЗЫКАЛЬНОЕ ПРОИЗВОДСТВО и МАГАЗИН

Москва, Центр, Покровка, 55.

АВИЛОВ, Н.

ГРОМАДНЫЙ ВЫБОР ВСЕВОЗМОЖНЫХ МУЗЫКАЛЬНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ.

БАЯНЫ: 225, 275, 350 р. и

дороже.

ВЕНСКИЕ гармонии на раз-

ные цены от 35 р. до 120 р.

ГИТАРЫ от 13 р. 75 к. до 75 р.

МАНДОЛИНЫ

от 12 р. до 120 р.

БАЛАЛАЙКИ от 4 р. до 50 р.

ГРАММОФОНЫ

от 50 р. до 150 р.

Бубны и барабаны, а также полное оборудование всякорусских оркестров. Полный иллюстрированный прейскурант высылается за две 8-ми коп. марки, вложенные в конверт.